

Либеральный лексикон

И. Б. ЛЕВОНТИНА, А. Д. ШМЕЛЕВ

**Ирина Борисовна Левонтина
Алексей Дмитриевич Шмелев
Либеральный лексикон
Серия «Язык. Семиотика. Культура»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64856797

*Либеральный лексикон. / Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. : Нестор-История; Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-4469-1488-3*

Аннотация

В книге рассматриваются несколько важных для либерального дискурса языковых выражений: *права человека, свобода, толерантность, плюрализм, частная собственность и приватизация, демократия, справедливость*. Описываются их значение, бытование в языке, ассоциативный потенциал, эволюция отношения к ним носителей языка. Каждое из этих выражений имеет свою историю, они в разное время и разными путями входили в язык, их значение и отношение к ним менялось с течением времени. Да и сейчас разные люди понимают эти слова по-разному. При этом взаимопонимание, возможность осмысленного конструктивного диалога в значительной степени определяется ясностью используемых языковых выражений, по крайней мере – ключевых для данного типа дискурса. Книга

рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся русской культурой, русским языком и историей идей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Язык перемен и перемены в языке	7
Предупреждение	14
Введение	16
Либеральные ценности: права человека и свобода	21
Права человека	23
Право	23
Человек	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ирина Левонтина, Алексей Шмелев Либеральный лексикон

The book discusses Russian linguistic expressions typical of liberal discourse: *prava cheloveka* ‘human rights’, *svoboda* ‘freedom’, *tolerantnost’* ‘tolerance’, *plurializm* ‘pluralism’, *chastnaia sobstvennost’ i privatizatsiia* ‘private property and privatization’, *demokratiya* ‘democracy’, *spravedlivost’* ‘justice’. We discuss their meaning and usage, connotations, and the attitude of native speakers towards them. These expressions entered into the language at different times and in different ways. At present, different people understand these words in different ways. The book aims at the wide range of readers interested in Russian culture, the Russian language and the history of ideas.

В оформлении обложки использована картина А. Дейнеки (1899–1969) «Никитка – первый русский летун». 1940.

© Левонтина И. Б., Шмелев А. Д., 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

Язык перемен и перемены в языке

Есть распространённый публицистический приём: приписать языку полумистическое значение, объявить его носителем высшего знания о народе и его исторических путях. А дальше (в зависимости от идеологической прописки публициста) либо радоваться тому, что русское языковое сознание отторгает ценности либерализма, либо возмущаться русской косностью и неизбывным языковым консерватизмом, который не даёт нам выразить универсальные идеи и предопределяет отказ от них. Этим приёмом охотно пользуются политики, журналисты, самодеятельные мыслители и общественники. И прежде всего в зоне риска оказывается «либеральный лексикон», то есть (согласно формуле Ирины Левонтиной и Алексея Шмелёва) набор «важных для либерального дискурса языковых выражений: *права человека, свобода, толерантность, плюрализм, частная собственность и приватизация, демократия, справедливость*».

Говоря о несовместимости русского языкового сознания и всего круга либеральных представлений о стране и мире, чаще всего приводят в пример «толерантность»; она, по массовому убеждению, не приживается ни в языке, ни в истории. Зато «терпимость», как считают многие, не просто лучше, не просто своеобразней, но содержит в себе иной жизнестроительный смысл. Быть толерантным значит признавать цен-

ностное равенство любых идей и принципов, поддерживать релятивизм, а проявлять терпимость значит просто терпеть чужие ошибки, соблюдая верность единственной и неделимой истине. С точки зрения прогрессистов это плохо, с точки зрения традиционалистов хорошо, но и те и другие сходятся во мнении, что наш язык а) отторгает толерантность, отказывается принять его в свои духовные объятия, б) как бы диктует нам иной цивилизационный выбор.

Точно так обстоит дело и со свободой, которой, если верить доморощенным философам, никогда не дотянуться до настоящей русской «воли», и с частной собственностью, которая не укоренилась в языке и поэтому заведомо не укоренится в жизни. И с правами человека, и с плюрализмом, и с гражданственностью, и со справедливостью...

Тотальному языковому детерминизму противостоит тотальный же языковой конструктивизм. Ничего страшного, подумаешь, язык управляемая система, мы знаем примеры того, как в обозримые сроки ему навязывали новые значения, новые слова, новые обороты. И тем самым меняли сознание общества. Здесь обычно следует ссылка на большевиков в разгар советского культурного эксперимента и нацистов после их прихода к власти в 1933-м. Называют прекрасные книги, где описаны процессы управляемого языкового взрыва – и в СССР, и в Германии. Вспоминают злые наблюдения Ивана Бунина в «Окаянных днях», язвительные реплики Лидии Чуковской в повести «Спуск под воду» –

или записки немецкого филолога Виктора Клемперера¹. Порой ссылаются и на другой опыт социального конструктивизма, гуманистический, творческий. От чехов XIX века, создавших свой литературный (а значит, и политический) язык практически с нуля и ставших, по выражению философа и президента Томаша Масарика, «филологическим народом», до реализованной языковой утопии Элиэзера Бен Йехуды, который поставил целью жизни «оживление» иврита, запустил процесс возвращения «книжного» языка в массовый обиход. И победил.

Спору нет, в истории были и будут случаи политических усилий, которые воздействуют и на лексический состав языка, и на его смысловую окраску. Но из этого никак не следует, что при любом удобном случае нужно подвергать живой общепотребительный язык деконструкции (она же перекодировка). И что национальная картина мира сама по себе является закрытой и архаичной. Но ещё более рискованным кажется противоположный вывод, о необходимости языковой контрреволюции, ведущей к русификации универсального.

По-своему яркий и не лишённый верных наблюдений концепт предложил экономист Виталий Найшуль с своим «Букваре городской Руси».

«Почему наш Букварь называется “Букварём Городской

---

¹ Клемперер В. LTI. ЯЗЫК ТРЕТЬЕГО РЕЙХА: Записная книжка филолога / Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998. Ср. рецензию на книгу: Дубин Б.В. Уроки языка // НЛО. 1999. № 36.

Руси»? Потому что Русь – это наша социальность, внутренний код нашей цивилизации, Россия существенностей, как ее называл В. В. Розанов. А прилагательное-определение перед Русью указывает на исторический уклад, принимающийся за образец: вспомним *Киевскую, Владимирско-Суздальскую, Московскую Русь*. Нынешняя Россия – это урбанизированное государство, преимущественно страна больших городов, в которых проживает большинство населения, *Городская Русь*. Именно для сегодняшней Городской Руси мы и вспоминаем Русь Вечную»².

Найшуль предложил выделить четыре ключевых слова-символа, на которых, как на распорках, может быть растянут «великий могучий общественно-политический русский язык»: это «земля», «народ», «люди» и «человек». Нужно опереться на эти слова-символы и дальше проверять все политические формулы на совместимость с ними. Скажем, нельзя положить жизнь за область, но можно – за русскую землю... Повторюсь, в теории Найшуля есть здоровое зерно; остроумен критерий проверки на пригодность любого политически значимого понятия и образа: нужно предложить за него тост. «Гражданское общество не вызывает у народа негативного отношения, как *демократы* или *приватизация*. Но если после третьей рюмки водки вы предложите тост за гражданское общество, то у соседей по столу возникнет впечатление вашей явной неадекватности. (Интересно, что

---

² См.: <http://polit.ru/article/2006/02/02/bukoar/>.

за президента вполне можно выпить в среде тех людей, которые его поддерживают.)»

Можно и нужно использовать многие тонкие наблюдения, Найшулем предложенные; нельзя положить их в основу хоть какого-то систематического представления о происходящем «с Родиной и с нами», то есть с языком, массовым сознанием и политикой. Начиная с того, что в данном случае придётся исходить из догадок и предположений, а не из трезвого анализа. И кончая тем, что любому дизайну должен предшествовать аудит, проверка «наличного словесного состава». А правда ли, что «толерантность», «плюрализм», «право», «справедливость» и так далее *безусловно* отторгаются говорящими по-русски? С чего мы это взяли? Не предрассудки ли это? А если действительно отторгаются, то, может быть, в силу сиюминутных обстоятельств (временная дискредитация слова в медиа, в той же публицистике, речи популярных политиков), а не в силу глубинных причин? А если всё-таки глубинные причины существуют, то когда они сложились? И можно ли с ними что-то сделать, не прибегая к методам тотальной ломки, искусственного национального оплодотворения или лингвистического волхования?

Задача невероятно важная, поскольку русский политический словарь (и не только либеральный) крайне беден, чему есть много исторических причин³. К счастью, есть научный путь; он позволяет с помощью рациональных методов ре-

---

³ Ср.: Гусейнов Ч.Г. Язык и травма освобождения // НЛО. 2008. № 94.

конструировать подвижную, меняющуюся во времени «языковую картину мира»⁴, посмотреть, как она складывалась и мутировала, как выстраивались, рушились и восстанавливались репутации тех или иных понятий. И, как требует доказательная медицина, лишь на основе проверяемых методов диагностики назначать языку лечение. Скорее даже не языку, а нам самим.

Я не буду упреждать выводы, к которым приходят авторы предлагаемой книги – известные российские лингвисты Ирина Левонтина и Алексей Шмелев. Даже о том, как на самом деле обстоят дела с толерантностью, не скажу, пусть сохранится интрига. Но метод, который они выбирают, равно как установка, которой они безупречно следуют, по-моему, единственно возможны. Это метод безоценочного замера ситуации, развёрнутой в глубь языковой истории. И это установка на роль заинтересованного наблюдателя. Как исследователям, авторам не важны политические последствия их выводов. Что язык покажет, то и примем. А мера их гражданской заинтересованности в предмете проявляется в спокойных советах, что в реальности (а не в нашем воспалённом воображении) можно сделать для очистки либерального лексикона от идеологических наростов, недоразумений,

---

⁴ Ср.: Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005; см. также: Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. М.: Языки русской культуры; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

осознанных провокаций и невыдуманных языковых препятствий. В тех случаях, когда это действительно нужно.

Александр Архангельский

Предуведомление

В этой книге мы рассмотрим важнейшие понятия либерального дискурса и примыкающие к ним понятия: *свобода, демократия, справедливость, права человека* и др. Для каждого понятия мы проанализируем относящиеся к нему языковые выражения, связанные как словообразовательными, так и синонимическими отношениями: наряду со словом *свобода* слова *свободный, вольный, воля, вольность, освобождение*, наряду со словом *справедливость* слова *справедливый, справедливо, честный, честность, честно, законный*, наряду со словом *демократия* – слова *демократический и демократичный*. Мы постараемся осветить историю этих понятий и выражающих их слов начиная с XIX в., а иногда и с более раннего времени.

Подчеркнем, что речь идет именно о свойствах языковых выражений и их реальном использовании в русской речи, причем в текстах самых разных авторов, придерживающихся весьма различных взглядов. Мы стараемся никоим образом не отражать наши собственные политические воззрения, тем более что они не во всем совпадают. Именно в этом ключе следует рассматривать и рекомендации, содержащиеся в книге. Они касаются собственно языковых норм и могут быть адресованы всем носителям русского языка, старающимся говорить правильно, независимо от того, каких

взглядов они придерживаются.

Введение

Определяйте значения слов – и вы избавите свет от половины его заблуждений (изречение, приписываемое Рене Декарту). Как известно, то, что буквально сказано, не всегда соответствует тому, что понимается. Поэтому, если хотеть быть правильно понятым, необходимо чрезвычайно внимательно относиться к выбору языковых выражений. Люди часто недооценивают важность выбора нужного слова. В научном дискурсе можно условиться, в каком смысле употребляются слова (термины), но даже и там соглашения иногда забываются и возникают недоразумения. В общественном дискурсе условности крайне нежелательны, следует опираться на естественные представления носителей языка о значениях слов. В современной культурной ситуации назрел вопрос об используемом лексиконе; самые разные люди независимо друг от друга говорят о необходимости прояснения понятий.

Процитируем запись в Фейсбуке филолога Сергея Зенкина (от 24 августа 2017):

Я совершенно серьезно убежден, что мы – та гражданская оппозиция, которая сегодня ходит на демонстрации и пикеты у судов, выступает за правовое государство, против агрессии и коррупции, – сможем стать значительной силой только после того, как найдем себе ИМЯ.

В истории и в публичной политике утверждают себя только небезымянные движения, хотя имена у них нередко случайные. [...] общее имя – это флаг или пароль, оно обеспечивает узнаваемость и сплоченность, с ним считаются союзники и противники, оно запоминается, входит в легенду.

А какое имя у нас сегодня? Как называем себя «мы»? – да никак. Другие, оппоненты, зовут нас «либералами», но это никудышное имя, неточное и негодное для самоназвания. В русском языке со времен Салтыкова-Щедрина словом «либерал» обозначают готового к любым компромиссам прекраснодушного барина; никто не слышит в этом слове латинский корень «свобода», зато все ощущают его вяло-расслабленное, мурлыкающее звучание «л-р-л». [...] Неточно было бы именоваться «западниками» – то есть, конечно, самопровозглашенные «патриоты» (никем больше так не называемые) охотно клеймят нас «агентами Запада» и «пятой колонной», но на самом-то деле мы не «за Запад против России», а за «Россию вместе с Западом», и в этом мы сами патриоты почище их. [...]

Не надо зря тужиться и искусственно придумывать какое-то новое слово. Оно должно возникнуть само собой, так что потом никто и вспомнить не сможет, кто произнес его первым. Создавать имена – это поэзия, и лучшим языкотворцем всегда был народ. Сотворит он имя нам, одной из своих частей, – будем знать, что наше дело не пропащее.

(<https://www.facebook.com/sergey.zenkin.3/>)

[posts/13607441173755307comment_id=1361527593963849&reply_comment_id=13711732129992comment_reply&notif_id=1504608732809302\)](https://posts/13607441173755307comment_id=1361527593963849&reply_comment_id=13711732129992comment_reply&notif_id=1504608732809302)

Можно вполне согласиться с Сергеем Зенкиным в том, что попытки искусственно придумать и навязать какое-то наименование обычно не приводят к успеху. Навязанное слово либо не приживается, либо меняет смысл, иногда до неузнаваемости. Главное, однако, не в том, чтобы найти наименование для «либералов», а в том, чтобы прояснить словарь, используемый в либеральном дискурсе. Да и с мыслью, что слово *либерал* скомпрометировано безнадежно, мы согласиться не можем. Забегая вперед, скажем, что, на наш взгляд, у этого слова есть определенные перспективы.

Взаимопонимание, возможность осмысленного конструктивного диалога в значительной степени определяется ясностью используемых языковых выражений, по крайней мере – ключевых для данного типа дискурса. В частности, эффективность либерального дискурса возможна только в том случае, если будут правильно выбраны ключевые понятия и выражающие их языковые единицы. Чрезвычайно важно опираться на представления, которые более или менее разделяются всеми носителями языка. Диалог предполагает не просто говорение по очереди, но способность собеседников (которых может быть два или более) понимать друг друга. Необходимым условием этого является использование в диалоге языка, которым владеют все собеседники, – «общего языка».

Иными словами, нахождение общего языка – необходимая предпосылка успешного диалогического общения.

В связи с этим вспоминаются слова великого лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ из его предисловия к 3-му изданию «Толкового словаря» В. И. Даля⁵:

Что касается отдельных щекотливых слов, то возьмем для примера слова «патриот» и «патриотизм». Сами по себе эти слова весьма почтенные и заслуживающие понимания согласно их первоначальному источнику. Такими они бывали всегда и такими, вероятно, воскреснут в будущем. Но кто же виноват, если в последнее время эти слова взяты в исключительную аренду известными «партиями» и группами и получили вследствие этого... разбойничий, погромный и карательный оттенок?

Важно подчеркнуть, что в этой книге мы говорим о языке⁶, не обсуждая никакие политические, социологические, философские проблемы и концепции и не давая им оценок. Цитаты из различных авторов приводятся в качестве языкового материала, иллюстрирующего понимание и использование языковых выражений разными носителями русско-

---

⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: 3-е изд., испр. и доп.: в 4 т. / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1. СПб: Издание тов-ва М. О. Вольф. 1912. С. 23.

⁶ Значительная часть языковых примеров взята из «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorpora.ru). Все примеры приводятся в том виде, в каком они содержатся в корпусе.

го языка. При этом мы старались избегать сугубо специальных контекстов, где выражения понимаются в особом смысле, в котором оно не используется за пределами той или иной группы текстов.

Мы рассмотрим несколько важных для либерального дискурса языковых выражений: *права человека*., *свобода*, *толерантность*, *плюрализм*, *частная собственность*, *демократия*, *справедливость*, *гражданин*. Мы опишем их значение, бытование в языке, ассоциативный потенциал, эволюцию отношения к ним носителей языка и эффективность их использования в качестве ключевых слов либерального дискурса. Обратим внимание на связь разных выражений, рассматриваемых далее. Как будет видно из последующих примеров, очень часто два или несколько ключевых слов появляются в текстах самого разного рода вместе.

Либеральные ценности: права человека и свобода

Подробное описание ценностей либерализма было дано в решениях съезда партии «Союз правых сил» в 2001:

Фундаментальными ценностями либерализма являются личная свобода и личная ответственность, свобода слова и объединений, разделение ветвей власти, децентрализация власти на основе принципов федерализма и местного самоуправления, верховенство закона, демократический контроль общества над государством, частная собственность, экономическая свобода, равенство прав и возможностей для всех граждан, терпимость к различиям.

Однако статус этих ценностей в общей системе либеральных взглядов различен. Теснее всего понятие «либеральный» (а также «либерализм», «либерал», «либерализация») связано с базовыми понятиями «свобода» и «права человека». Поэтому для понимания особенностей восприятия так называемых «либеральных ценностей» носителями русского языка полезно обратиться к тому, как понятия «свободы» и «прав человека» преломляются в зеркале русского языка. Следует иметь в виду, что в дальнейшем изложении речь пойдет о фоновых компонентах значения, которые в

обычных условиях не попадают в фокус внимания и потому не осознаются большинством говорящих. Ассоциации, связанные со словами, которые будут объектом рассмотрения, не обязательно возникают у всех без исключения носителей языка. Однако, как показывает анализ реальных текстов на русском языке, они весьма устойчивы на протяжении довольно длительного времени.

Права человека

О понятии прав человека написано очень много. В частности, исследовался генезис этого понятия в европейской истории. О правах человека много написано в правозащитной литературе. Однако наша задача в другом – рассмотреть сочетание *права человека* с точки зрения его семантического потенциала и его бытования вне сугубо специальных контекстов. В этом отношении весьма интересны оба слова – и русское слово *право*, в особенности в том значении, в котором оно представлено в рассматриваемом сочетании, и русское слово *человек*.

Право

Слово *право* многозначно (что обыгрывается, например, в анекдоте про еврея и гаишника: – *Ваши права!* – *Ну, какие права у бедного еврея?*). Приведем фрагмент «Большого толкового словаря русского языка» С. А. Кузнецова (БТС):

1. ПРАВО, – а; права, – прав; **ср. 1. только ед.** Совокупность устанавливаемых и охраняемых государством моральных норм, правил поведения, регулирующих общественные отношения между людьми. Крепостное п. П. феодального общества. Соблюдение норм права. Обычное

п. (юрид.; в рабовладельческом и феодальном обществе: совокупность обычаев, санкционированных государством в качестве правовых норм). // Совокупность законов и постановлений государства, относящихся к какой-л. стороне общественного устройства, жизни и деятельности общества. Гражданское п. Трудовое п. Международное п.

2. Наука, изучающая отражение этих законов и постановлений в законодательстве; учебная дисциплина такого содержания. Лекции по уголовному праву. Читать древнерусское п. **3.** Предоставляемая законами государства свобода, возможность действовать, осуществлять что-л. или пользоваться чем-л. П. наций на самоопределение. Политические права граждан. П. собственности. Защита авторских прав. Утвердиться в правах наследования. Лишить избирательных прав. Получить п. голоса (возможность участвовать в обсуждении и решении каких-л. вопросов). Нарушение прав личности. // Власть, полномочия, предоставленные кому-, чему-л. Лишение родительских прав. Воспользоваться своим правом директора завода. Правление вступило в свои права.

4. Официальное разрешение на что-л.; допуск к выполнению каких-л. обязанностей, к занятию какой-л. должности, чина. П. держать экзамен. П. на внеочередное обслуживание. Ссылка без права переписки. Получить право преподавать. // **только мн.:** права, прав. Документ, разрешающий кому-л. управлять автомобилем, мотоциклом и т. п.

Водительские права. Права первого класса. Отобрать права за нарушение правил дорожного движения. Сдать на права (сдать экзамен для получения такого документа). **5.** Возможность действовать, поступать каким-л. образом. Бороться за п. печататься. Имел п. входить к шефу без доклада. Можешь уходить, твоё п. (о возможности поступать по своему усмотрению). Личное п. каждого (его личное дело). **6.** Причина, основание, повод для каких-л. действий. Имеет п. подать в суд. Не имеешь права обижаться! По какому праву ты вмешиваешься? Нет у кого-л. морального п. требовать самопожертвования.

Конечно, значения сгруппированы здесь неочевидным образом. При этом значения **3**, **5** и **6** явно чрезвычайно близки:

3. Предоставляемая законами государства свобода, возможность действовать, осуществлять что-л. или пользоваться чем-л. // Власть, полномочия, предоставленные кому-, чему-л.

5. Возможность действовать, поступать каким-л. образом.

6. Причина, основание, повод для каких-л. действий.

Действительно, значение, указанное здесь как шестое, хотя и толкуется через «причину, основание», но едва ли может быть отделено от предыдущего, пятого значения. Странно считать, что *иметь право входить без доклада* – это одно значение, а *По какому праву вы входите без доклада* – совершенно другое.

Еще более интересно сопоставить пятое значение (возможность действовать) и третье (предоставляемая законами государства возможность действовать).

Идея **возможности** действительно здесь очень важна:

Истина есть соединение, а не разъединение и не разграничение, она совсем не заинтересована в том, чтобы так исключительно охранять **возможность** заблуждения, **права** на её отрицание и поношение, хотя сама Истина может быть Истиной о свободе. [Н. А. Бердяев. Новое средневековье (1924)]

Различие между третьим и пятым значениями – в **источнике возможности**. В одном случае это государство, а в другом источника как будто бы нет. Но в действительности применительно к государству источник просто более институционализован. В других случаях право определяется самыми разными кодексами, правилами и т. д. Так, во фразах *Оглашенные не имеют права присутствовать на последней части литургии; К обеду вы имеете право добавить одно небольшое яблоко; Игрок, которому выпала эта фишка, получает право сделать еще один ход* источники права совершенно разные, но во всех случаях автор ссылается не на законы государства, а на иные правила, нормы и регламенты (включая чисто конвенциональные правила игры или диеты). Варлам Шаламов приводит лагерные правила, в которых заключенные наделяются довольно ограниченными правами:

В лагерных бараках в иные годы висели на стене

большие печатные объявления: «Права и обязанности заключённого». Здесь было много обязанностей и мало прав. «Право» подавать заявление начальнику – только не коллективное... «Право» писать письма родным через лагерных цензоров... «Право» на медицинскую помощь. Это последнее право было крайне важным. [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)]

Более того, *право* может предоставляться одним человеком другому:

Когда жена утром спрашивала его:

– Что будешь есть – яичницу или картошку?

Он отвечал:

– Давай картошку.

Она доставала из печи чугунок с картошкой, и в эту секунду он знал совершенно определенно, что хочет яичницу. Жена запихивала чугунок обратно и шла в сени за яйцами. Возвращаясь, встречалась с виноватым взглядом мужа – он снова хотел картошку.

Иногда он даже сердился:

– Давай что-нибудь одно, не заставляй меня думать про глупости. **Право на выбор** его всегда тяготило. Он невыносимо мучился, когда раздумывал, какую сегодня надеть рубашку – зеленую или синюю, какие сапоги – старые или новые. [Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975)]

Очевидно, что идея во всех случаях одна и та же: что-то делать **можно** – но можно не в смысле технической, физи-

ческой, материальной возможности (то, что в логике называется «алетическая модальность»), а в том смысле, что человек, делая это, поступает правильно, что он прав, его действия оправданы, на его стороне правда и правота (то, что в логике называется «деонтическая модальность»). Как мы видим, выражение этого значения связано в русском языке с многочисленными словами с корнем *прав-*, который представлен и в слове *право*. Различие между разными видами возможностей обыгрывается в известном анекдоте, где как раз фигурирует слово *право*:

Приходит мужик в юридическую консультацию: – Скажите, имею ли я право... – Имеете, имеете! – Да вы не поняли, я хотел узнать, имею ли я право... – Да точно говорю, имеете! – Да вы объясните, могу ли я... – А-а-а... Нет, не можете!

[\(http://vseanekdotu.ru/anekdoty-pro-yuristov/\)](http://vseanekdotu.ru/anekdoty-pro-yuristov/)

Анекдот основан на том, что *право* гораздо уже возможности.

Рассмотрим теперь тот круг идей, который выражает слово *право* в этом обобщенном значении деонтической возможности.

Очень частая идея – это идея внутреннего ощущения, что человеку нельзя препятствовать в реализации каких-то его побуждений, желаний, устремлений, что они должны быть делом его личного выбора:

Я буду отвоевывать самое драгоценное в актерской

работе – право на самостоятельность, право на чудо. Самостоятельность во всем! Литература, режиссура, актерская работа. Все доводить до конца, быть гибким, предельно настойчивым и упрямым в претворении своих замыслов. [Георгий Бурков. Хроника сердца (1953–1990)]

И уже с полной субъективной очевидностью внутренней правоты и потому внутреннего права на свободу мы часто сознаем великую и чистую, несмотря на всю страстность ее и связанность с физическим влечением, любовь к женщине, вне которой в эти мгновения наша жизнь теряет весь свой смысл и которую мы тогда ощущаем как глубочайшую основу нашего собственного я – как бы эта страсть ни противоречила всем общепризнанным и общеобязательным нормам морали. [С. Л. Франк. Крушение кумиров (1923)]

Здесь замечательно описано **ощущение субъективной внутренней правоты**, которое присуще представлению о *право человека*.

Часто в этом случае речь идет о праве иметь собственное мнение и свободно его высказывать:

Каждый имеет право на собственное мнение. [Булат Окуджава. Новенький как с иголочки (1962)]

Защищали «Физиков и лириков» лениво, похоже, что больше отстаивали право на мнение, пусть

неправильное, чем само стихотворение. [Б. А. Слуцкий.
О других и о себе (1960–1977)]

Часто речь идет о ситуации, когда ограничивают индивидуальность человека и говорящий этого не одобряет:

В человеке, в его скромной особенности, в его праве на эту особенность – единственный, истинный и вечный смысл борьбы за жизнь. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

Следующий пример интересен тем, что тут говорится о *праве* дважды: сначала что человек *имеет право* на собственные ошибки, а потом что у других *нет права* мешать ему их совершать. Здесь очень важна идея личного пространства, индивидуального выбора.

Я не понимаю, почему непременно нужно учить друг друга? И почему люди не имеют **права** на самостоятельность, на свои собственные решения и на свои собственные ошибки? Почему считается, что вопросы и решения, связанные с очень личными, очень интимными сторонами жизни, могут становиться предметом обсуждения? И, наконец, кто имеет **право** за моей спиной, в мое «отсутствие» отлучать от моего дома тех, кому я симпатизирую и от кого видел только внимание, чью поддержку я ощущаю все эти полтора года переписки?! Что это за убогое и оскорбительное представление обо мне, как о бычке, которого можно водить на веревочке? [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)]

Там, где речь не идет о частных аспектах индивидуальной жизни, *право* на что-либо становится предметом дискуссии:

В наше время часто приходится слышать споры, в которых одни требуют от филологии объективности точных наук, а другие говорят о ее «праве на субъективность». Мне кажется, что обе стороны неправы. Филолог ни в коем случае не имеет «права на субъективность», то есть права на любование своей субъективностью, на культивирование субъективности. Но он не может оградиться от произвола надежной стеной точных методов, ему приходится встречать эту опасность лицом к лицу и преодолевать ее. [С. С. Аверинцев. Похвальное слово филологии // «Юность», 1969]

Разумеется, здесь под *правом на субъективность* понимается не то, что каким-то распоряжением филологу может быть запрещена субъективность. Спор идет о том, насколько *оправданно* субъективные отношения филолога к своему предмету.

Показателен также следующий пример:

Разумеется, я не Солженицын. Разве это лишает меня права на существование? Да и книги наши совершенно разные. Солженицын описывает политические лагеря. Я – уголовные. [Сергей Довлатов. Зона (Записки надзирателя) (1965–1982)]

Это очень типичное рассуждение о *праве чего-либо на существование*: речь в этом случае, конечно, идет не о том,

чтобы не уничтожать какой-то объект, а о его осмысленности, *оправданности*.

В норме *право* предполагает идею **ценности** – естественно говорить о *право* на что-то хорошее. Даже если говорится, например, о *право на страдание*, это означает, что страдание рассматривается как часть опыта, а *право на смерть* – что человек сам хочет умереть. В следующем саркастическом примере видно, насколько парадоксально выглядит слово *право* в сочетании с чем-то плохим (в данном случае это *ордер на арест*):

Толстой объявил – нет в мире виноватых. А мы, чекисты, выдвинули высший тезис – нет в мире невинных, нет неподсудных. Виноват тот, на кого выписан ордер, а выписать ордер можно на каждого. Каждый человек имеет **право на ордер**. Даже тот, кто всю жизнь выписывал эти ордера на других. Мавр сделал своё дело, мавр может уйти. [Василий Гроссман.

Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]

Существенно, что *право* предполагает что-то хорошее именно с точки зрения самого субъекта. Говорящий при этом может считать, что это право на что-то очень плохое:

Или он, доказывая, к примеру, что окружающая нас жизнь несправедлива и пошла, хочет этим завоевать себе моральное **право на такую же пошлую и несправедливую жизнь**. [Георгий Бурков. Хроника сердца (19531990)]

Антиинтеллигентские настроения страшнее и шире, чем примитивное юдофобство, и они все время дают себя знать во всех переполненных людьми учреждениях, где люди так яростно отстаивают свое **право на невежество**. [Надежда Мандельштам. Воспоминания (1960–1970)]

К идее *оправданности* примыкает и идея заслуженности – *справедливости* (заметим, что в последнем слове тот же корень):

Володя устал от борьбы, от драк, от полемики. Ему захотелось немножко покоя и чуточку творческого комфорта. Володя видел, что всякие «рвачи и выжиги» писательские живут гораздо лучше, чем он, спокойней и богаче. Он не завидовал им, но он считал, что имеет больше них право на некоторые удобства жизни, а главное, на признание. [Л. Ю. Брик. Из воспоминаний (1956–1977)]

Иногда прямо говорится, что *право* надо *заслужить* или *выстрадать*:

В кино, как правило, все (или многие) считают дело, которым они занимаются, профессию, которой владеют, не то недостаточно почетной, не то лишь подготовительной к какой-то другой, **право** на которую они **заслужили** или тем, что уже много лет занимаются своим делом, или (это еще чаще) тем, что люди другой, более высокой, по их мнению, профессии –

менее подготовлены или же менее талантливы, нежели они. [Григорий Козинцев. «Тут начинается уже не хронология, но эпоха...» (1940–1973)]

Почему Герцен и Глеб Успенский, каждый по-своему **выстрадавшие** своё **право** на благодарность и уважение своего народа, берутся под подозрение? [И. И. Петрункевич. Интеллигенция и «Вехи» (вместо предисловия) (1910)]

Часто речь идет о том, что кто-то не заслужил того или иного права:

Лишь глупый человек думает, что звание актера автоматически дает право на избранность. И начинается мучительная борьба, чтобы удержаться на плаву. Но позиция не меняется. И кончается все трагически, жизнь прожита. [Георгий Бурков. Хроника сердца (1953–1990)]

Такое самому видеть надо, чтоб право на описание иметь. [Л. М. Леонов. Вор. Часть 3 (1927)]

В следующем примере обыгрываются два понимания *прав*: сочетание *предъявить права* обычно понимается как ‘подтвердить свои полномочия’, в то время как *право на <какой-либо> тон* подразумевает моральную правоту:

А ну-ка, предяви свои права на прокурорский тон, друг любезный. [А. Н. Арбузов. Мой бедный Марат (1964–1980)]

Иногда *право* откладывается на будущее, потому что оно пока не заслужено:

Научное освоение нашей страны – наше оружие; мы переделываем мир с помощью знания. Это так. Но мы **еще** бедны и **не имеем права** на роскошь. Здесь, в Мурманске, надо строить город и порт; переделывать – по существу, создавать заново – рыбные промыслы. Нужно геологическое изучение края, чтобы узнать его богатства. Археология – роскошь в наших условиях. [Н. И. Гаген-Торн. Memoria (1936–1979)]

Я солдат партии. Я не имею **права** на мягкотелость. **Вот побьем** немцев... [Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975)]

Собравшиеся на конференцию юристы лучше других понимали, что совесть человечества **не имеет права** на покой **до тех пор**, пока судьба сотен тысяч людей не перестанет быть игрушкой тёмных сил. [Н. Н. Шпанов. Ученик чародея (1935–1950)]

В следующих примерах появляется идея **извинительно-сти**: например, заслуги некоторых людей так велики, что **справедливо** будет извинять их недостатки:

Великие люди имеют право на странности, и эти странности им надо прощать. [Анатолий Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)]

– Трудно выговорить такую... фразу... что я люблю вашу жену. Но семь лет безнадёжной и вежливой любви дают мне право на это. [А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)]

Таким образом, как мы видим, *право человека* на что-либо может быть обосновано ссылкой на его заслуги или особенности биографии, принадлежность к определенной группе или чем-то иным. Ср. весьма простодушное обоснование своего права в следующем примере:

Я на это [не идти работать на завод] имею полное **внутреннее право, право человека**, который жил в Париже и Брюсселе, который ездил летом в горы и к морю, человека, хорошо осведомленного политически, человека, который много пережил, много видел, **право человека** весьма культурного и даже утонченного. [Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 2 (1941–1943)]

Итак, то или иное право может быть обосновано разными обстоятельствами. А *права человека* – это не что-то отдельное, а просто права, которые определяются самим фактом принадлежности к роду человеческому и не требуют дальнейших обоснований. В этом смысле очень показателен фрагмент из повести Вас. Гроссмана, где сам автор говорит о свободе как *праве человека*, а отдельные герои обосновывают это право лично для себя, ссылаясь на свои обстоятельства и отказывая в обоснованности этого права для других:

И на воле, и в лагере люди не хотели признать, что они равны в своём **праве на свободу**. Некоторые правые уклонисты считали себя невинными, но оправдывали репрессии к левым уклонистам. Левые и правые уклонисты не любили шпионов – тех, кто переписывался с заграничными родственниками, тех, чьи обрусевшие родители носили польские, латышские и немецкие фамилии. Сколько бы ни говорили крестьяне, что они работали всю жизнь своими руками, – политические им не верили: «Знаем, зря бы не стали раскулачивать бедняков». [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989]

Таким образом, исходя из большого класса употреблений слова *право*, мы увидели, что сочетание *права человека* интуитивно понятно: это то, в чем человека нельзя ограничивать, что человеку «можно», чего он заслуживает, что может быть оправдано или по крайней мере прощено – просто на том основании, что он человек.

Собственно, именно это обычно и имеется в виду, когда о *правах человека* говорится в философских и социально-политических контекстах:

В проекте комиссии упоминается несколькими словами о культурнонациональной автономии, и тут же рядом с ним трактуется дальше о **правах человека** на свой родной язык, на свободный труд, на доступ к общественным должностям. [Совещание членов Учредительного Собрания (1921)]

На белой стороне честность, верность России, порядок и уважение к закону, на красной – измена, буйство, обман и пренебрежение к элементарным **правам человека**. [Б. В. Савинков (В. Ропшин). Почему я признал Советскую власть? (1924)]

Люди рождаются и живут свободными и равноправными. Социальные различия ассоциации – сохранение естественных, неотъемлемых **прав человека**. Права эти: свобода, собственность, безопасность и сопротивление гнету. Все это является лишь подтверждением масонского девиза: «Свобода, равенство и братство». [Василий Иванов. Тайны масонства (1934)]

Кроме того, в главе «Цели» теперь сделано указание о поощрении уважения **прав человека** и основных свобод для всех, без различия расы, языка, религии и пола. [Заявление товарища В.М. Молотова на пресс-конференции в Сан-Франциско (1945) // «Известия», 1945.05.09]

Как видно из приведенных примеров, речь здесь в основном идет о **неотчуждаемых, неотъемлемых** правах человека, и в этом случае функция государства видится в том, чтобы их **не нарушать** и не допускать их нарушения (ср. *уважать права человека, пренебрежение к правам человека*). Можно вспомнить начальные слова американской Де-

кларации независимости, где «самоочевидной истиной» (*self-evident truth*) признается, что к неотъемлемым правам (*inalienable Rights*) человека относятся свобода и стремление к счастью (*Liberty and the pursuit of Happiness*). Сходная мысль содержится в очень важном для русской культуры тексте о правах – пушкинском «Из Пиндемонти»:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданиями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.

– Вот счастье! вот права...

(1836)

Как мы видим, здесь очень выразительно описан отказ от прав политических в пользу прав частного человека. Это стихотворение может служить иллюстрацией формулировки «право на свободу и стремление к счастью». Заметим, что здесь и свобода разделяется на политическую и «иную, лучшую» – то есть личную. Мы еще остановимся на разных видах свободы в одном из следующих разделов.

Обращает на себя внимание сходство этого представления о *праве* с идеей *свободы*. В обоих случаях имеется в виду то, что человеку не мешают делать то, что он хочет. Ср.: *Свобода слова – одно из важнейших прав человека*. Часто эти два понятия употребляются вместе:

Личному, или индивидуальному, отвечают **права, свобода** – до произвола включительно и разумность – до рационального вывода истины, а общему, позднее развивающемуся, соответствуют обязанности, преклонение пред законом и признание истины лишь трудным путем опыта и наблюдений. [Д. И. Менделеев. Заветные мысли (1903–1905)]

Во французской революции революционная демократия, нача

вшая с провозглашения **прав и свободы** человека, в 1793 году не оставила никаких свобод, истребила свободу без остатка. [Н.А. Бердяев. Демократия,

социализм и теократия (1924)]

Утопистами и фантазерами были кадеты. Они мечтали о каком-то правовом строе в России, о **правах** и **свободах** человека и гражданина в русских условиях. [Н. А. Бердяев. Демократия, социализм и теократия (1924)]

Право делать что-то и свобода делать что-то – близкие, но не тождественные понятия. *Свобода* – это состояние человека, физическое или душевное, и оно непосредственно ощущается как отсутствие стеснений. *Право* же – это не состояние, а некая санкция, лицензия, отсутствие запрета на то или иное действие. Поэтому часто встречается сочетание *право на свободу* (и несколько более редко *право свободы*), но сочетаний с обратным соотношением нет:

Участвуя в деле прогресса, я не только обретаю себе **право на свободу** верования, но если и явится мне возможность счастья личного, я от него не откажусь, хотя бы вокруг меня были только несчастные. [М. М. Пришвин. Дневники (1926)]

Герои Олеси хотят не только ставить «Гамлета» в театре им. Азизбекова, но иметь **право на свободу**, сомнения и выбор. [Аркадий Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеса / Проглоченная флейта (1958–1968)]

«Вот этот народ заслужил **право на свободу**», – размышлял Самгин и с негодованием вспоминал как о неудавшейся попытке обмануть его о славословиях русскому крестьянину, который не умеет прилично жить на земле, несравнимо более щедрой и ласковой, чем эта хаотическая, бесплодная земля. [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2 (1928)]

Ведь люди рождаются «равными» и потому каждому из них должны быть предоставлены одинаковые права для отстаивания своих «желаний» и «потребностей»: это «неприкосновенные **права свободы**», которые «не терпят ограничений». [И. А. Ильин. О формальной демократии (1950)]

...конечно, это Ваше дело, и я не имею права вмешиваться в него, хотя оставляю за собою **право свободы** действий и право отказаться на Кругу от поста атамана. [П. Н. Краснов. Всевеликое Войско Донское (1922)]

Правовое государство стремится быть свободным государством, оно утверждается на признании **прав свободы**. [П.И. Новгородцев. Об общественном идеале. Глава II (1917–1921)]

Возвращаясь к слову *право*, отметим, что особняком здесь стоят и зачастую запутывают представления о *правах человека* те права, которыми государство наделяет, **обеспечивает**

гражданина, – такие, как *праве на труд* или *право на жилище*. Это права, которые базируются не на принадлежности к человеческому роду, а являются результатом доброй воли государства:

Как представитель законности, я обязан напомнить вам, что великая сталинская конституция обеспечивает **право на труд** всем без различия. [Л. К. Чуковская. Софья Петровна (1939–1940)]

Сталинская Конституция гарантировала гражданам Страны Советов равноправие, независимо от их национальности и расы, гарантировала **право на труд, право на образование, право на отдых!** [неизвестный. Три года под знаменем Сталинской Конституции (1939.12.05) // «Советское искусство». № 85 (665), 1939]

Человек

В сочетании *права человека* в каком-то смысле большей проблемой является, как это ни странно, не слово *права*, а слово *человек*. Очень интересно, что именно оно стандартно употребляется в русском языке в сочетании со значением ‘human rights’.

Способы указания на человека в русском языке неоднократно привлекали внимание лингвистов. Так, некоторые различия в сочетаемости и значении слов *человек* и *лич-*

ность описываются в работах Раисы Розиной⁷ и Н. Д. Арутюновой⁸.

Интересно, например, сравнить, как понимаются сочетания *стать личностью* и *стать человеком*. Сочетание *стать личностью* в русском языке весьма частотно:

Напротив, напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо **стать личностью**, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. [Ф. М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях (1863)]

Стать личностью означает определить себя во времени и пространстве, выйти из толпы, не выходя из нее, вытянуться колоском на длинном стебельке, подверженном всем невзгодам изменчивой погоды нашей, всегда рискуя оказаться первой жертвой жнеца, традиционно изображаемого в виде старухи с косой в костлявых руках. [Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990–2000)]

И психолог, и педагог преследуют одну и ту же цель – помочь ребенку не потеряться в жизни и **стать личностью**, но при этом каждый из них

---

⁷ Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Культурные концепты М., 1991. С. 52–56.

⁸ Ср. также: Арутюнова Н. Д. Человек и «фигура» (анализ понятий) // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995. С. 34–46.

имеет дело со своим кругом задач. [М. А. Степанова. Психология в образовании: психолого-педагогическое взаимодействие // «Вопросы психологии», 2003]

По мановению волшебной палочки, сам собой, ребенок не **станет личностью**. [Надежда Усольцева. Старший и младший. Детские войны // «Семейный доктор», 2002]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.